ственная написанная) посвящена смерти Петра, то спрашивается, что собирался Кантемир рассказать в следующих? Неужели известным эпизодическим методом ввести его деяния? Такое построение мало вероятно, противоречит всему, что мы знаем о классической поэме, и прецедентов не имеет. Часть темы может быть отнесена в эпизодический рассказ о прошлом (примеры, от «Одиссеи» до Ломоносова, бесчисленны и общеизвестны), но не вся тема. Или вся поэма должна была быть посвящена одной смерти Петра (за что говорит заглавие)? Образцы такого рода поэм нам неизвестны, но возможно, что они были и в итальянской поэзии придворной эпохи и во французской (напр., на смерть Людовика XIV).

Итак, ни словоупотребление Кантемира, ни «Петрида» не обнаруживают никаких внятных следов итальянской ориентации, а так как для сатир тоже нет оснований предполагать итальянские литературные источники (а французские и латинские общеизвестны), то вопрос пришлось бы решить категорическим отрицанием, если бы не одно обстоятельство.

Дело в том, что известные приветственные стихи Феофана Кантемиру (I, стр. 22—23) представляют октавы, и притом законченно-итальянского типа, октавы эндекасиллабического стиха. Для образца выписываем вторую (из трех) строфу:

Объемлет тебя Аполлин великий, Любит всяк, кто есть таинств его зритель; О тебе поют парнасские лики, всем честным сладка твоя доброде(и)тель И будет сладка в будущие ве(и)ки; А я и ныне сущий твой любитель: Но сие за верх твоей славы буди, Что тебя злые ненавидят люди.

Следовательно, тенденция к итальянизации силлабического стиха существовала у ведущих поэтов последнего периода русской силлабики и до лондонской и парижской работы Кантемира. Объясняется она не просто личной образованностью Феофана или его пребыванием в Риме, но и более существенными, общими причинами: происходящий в начале XVIII в. процесс аристократической секуляризации и модернизации силлабической поэзии естественно ориентируется на Италию не только по семейному родству силлабических систем, но и по социальному родству